

УДК 930.1
DOI 10.52452/19931778_2025_1_27

ПЕРИОДИЗАЦИЯ СОВЕТСКОЙ ИСТОРИИ КАК МЕТОДОЛОГИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА «ОТТЕПЕЛЬНОЙ» ИСТОРИОГРАФИИ: ДИСКУССИЯ В ИНСТИТУТЕ ИСТОРИИ АН СССР

© 2025 г.

К.В. Синенков

Институт российской истории РАН, Москва

dambaly19@gmail.com

Поступила в редакцию 21.08.2024

Статья посвящена дискуссии о периодизации истории СССР, прошедшей в Институте истории АН СССР в 1960 году в контексте начавшейся десталинизации советского общества после доклада Хрущева на XX съезде КПСС. В рамках кампании по борьбе с культом личности, развернувшейся в 1950 – 1960-х гг., перед историками ставилась задача корректировки устоявшегося нарратива советской истории, сформировавшегося ещё в сталинский период. Цель статьи – выявить конкретные приёмы, применявшиеся учёными в процессе этой корректировки. Характерной чертой советской историографии было написание масштабных коллективных проектов, в которых «отливалась» одобренная контролирующими органами картина советского прошлого. Подготовка подобных проектов, а также дискуссии, разворачивавшиеся в рамках этой подготовки, демонстрируют методы корректировки нарратива, применяемые советскими историками, в условиях менявшегося идеологического курса. В этом контексте интерес представляет создание в 1960-х годах многотомной «Истории СССР». На ранних этапах работы над этим многотомником состоялось два заседания в Институте истории АН СССР, посвящённых основным проблемам советской истории. В рамках этих обсуждений первоочередной задачей для авторского коллектива, работавшего над томами, посвящёнными советскому периоду, была обозначена выработка новой схемы периодизации истории от Октябрьской революции 1917 года до XXI съезда партии КПСС 1959 года. В статье на материале обсуждений проблемы периодизации демонстрируется высокая степень зависимости советских историков от структуры и содержания «Краткого курса», являвшегося в сталинский период наиболее авторитетным текстом не только по истории партии, но и по истории СССР. Кроме того, выявляются стратегии, к которым прибегали учёные при написании масштабных коллективных проектов, посвящённых советской истории в условиях начавшейся десталинизации.

Ключевые слова: историческая наука в СССР, десталинизация, периодизация истории СССР, М.П. Ким, «История ВКП(б): краткий курс», «История СССР. Эпоха социализма (1917–1957 гг.)», «История КПСС», советские идеологемы.

XX съезд КПСС, проходивший в феврале 1956 года, стал важной вехой в истории советского общества. Как известно, на этом съезде первым секретарём ЦК КПСС Н.С. Хрущевым был прочитан доклад «О культе личности и его последствиях», послуживший началом процесса десталинизации. Историческая наука не могла оставаться в стороне от этого, ведь на съезде представители власти впервые публично подвергли критике некоторые сочинения Сталина, в первую очередь «Историю ВКП(б): краткий курс» [1, с. 325].

Практическим следствием критики был выход в печать учебного пособия «История СССР. Эпоха социализма (1917–1957 гг.)» в 1957 году [2]. Авторы нового пособия были вынуждены не только переосмыслить нарратив, содержащийся в «Кратком курсе», но и значительно дополнить его, поскольку повествование в ста-

линском тексте оканчивалось 1937 годом. Несмотря на то, что в условиях быстро менявшегося идеологического климата авторскому коллективу неоднократно приходилось откладывать выпуск учебника и проводить «доработку» материала, пособие таки вышло в печать и даже выдержало несколько изданий [3, с. 82–87].

Внеочередной XXI съезд партии, проходивший в январе–феврале 1959 года, поставил перед историками новые задачи. Центральной темой съезда стало вновь актуализированное положение о постепенном переходе СССР к коммунизму. Отныне заявлялось, что СССР вступает на путь развёрнутого строительства коммунизма, вместе с чем была объявлена «полная и окончательная победа социализма» [4, с. 443]. Это постановление вносило некоторую путаницу в устоявшийся нарратив советской истории. Дело в том, что в сталинское время расхожим идеоло-

гическим штампом было утверждение об окончательном построении социализма в 30-е годы, ко времени принятия Конституции 1936 года. В свою очередь, упомянутая резолюция XXI съезда создавала впечатление, будто бы окончательное построение социализма осуществилось лишь в конце 50-х годов. При этом официального отказа от прошлой идеологии не произошло¹. Так как формационный подход лежал в основе схем периодизации советской истории, историкам было необходимо принять это постановление к сведению, ведь новое положение ставило под вопрос важнейшую хронологическую границу – время наступления социализма в СССР!

В 1960 году в свет вышло учебное пособие «История КПСС» – второй претендент на звание нового «Краткого курса» [5]. Перед авторами этого пособия стояла задача пересмотра периодизации истории партии согласно новым установкам, прозвучавшим на XXI съезде. Решение, принятое авторским коллективом, состояло в соединении двух идеологем: о победе социализма в 30-е и о «завершении строительства социализма» в 50-е [5, с. 474–475, 742]. Судя по всему, предполагалось, что формула «завершение строительства социализма» снимает возникшее противоречие.

В том же году было издано еще одно пособие – «История СССР», написанное коллективом Высшей партийной школы при ЦК КПСС [6]. Авторский коллектив этого учебника последовал тем же путём, утверждая, что в 50-е годы «...социализм победил в СССР не только полностью, но и окончательно» [6, с. 886].

В конце ноября 1960 года в Институте истории СССР на заседании сектора истории СССР периода социализма был озвучен доклад, посвящённый новому масштабному проекту советской исторической науки – многотомнику по истории СССР. Выступал доктор исторических наук М.П. Ким², тема – «Основные вопросы многотомной истории СССР» [7]. В декабре того же года обсуждение прошло и на учёном совете Института истории СССР [8]. Стенограммы этих заседаний сохранились в фонде Института истории Академии наук СССР в Архиве Российской академии наук (РАН).

Данные источники демонстрируют нам одну из особенностей процесса десталинизации в контексте исторической науки. Несмотря на то, что логика этого процесса предполагала отказ от исторических концептов, сформулированных или одобренных лично Сталиным, историки продолжали находиться в некоторой явной или скрытой зависимости от них. Наиболее заметной была зависимость от «Краткого курса», поскольку в сталинской исторической науке этот

текст обладал статусом метанарратива, т.е. был обязательным к использованию всеми историками советского периода. Кроме того, этот текст содержал ряд идеологических штампов, сохранявших своё значение и для нового советского руководства. По этой причине историки были склонны к встраиванию новых идеологем в устоявшийся нарратив, даже если это приводило к появлению внутренних противоречий. Такая стратегия оказалась доминирующей, по крайней мере в контексте описания исторических событий после 1917 года. Анализ указанных стенограмм позволяет рассмотреть эту особенность подробнее, а также выявить несколько других практик.

Стоит сразу обозначить специфику изложения материала в статье. Поскольку доклады Кима, как и выступления докладчиков, присутствовавших и на заседании сектора, и на заседании учёного совета, почти полностью копируют друг друга, мы не станем разделять их в тексте статьи на отдельные блоки. Схожесть докладов объясняется тем, что заседание сектора Ким использовал как «тренировку» перед выступлением на учёном совете, о чём он сам и заявлял [7, л. 1–6]. Так как основные тезисы, прозвучавшие в обоих докладах, были идентичными, то и остальные участники сектора в целом повторили сказанное на учёном совете. В связи с этим наше повествование будет построено по тематическому принципу, т.е. мы будем обращаться к тексту обоих заседаний одновременно.

В рамках данной статьи наибольший интерес для нас представляет обсуждение на заседаниях нескольких проблем периодизации советской истории. Это и будет главной тематической аркой. Также мы будем обращаться к учебным пособиям 1957 и 1960 годов, для того чтобы отчётливее видеть эволюцию некоторых аспектов периодизации на временном промежутке.

«История СССР», в рамках написания которой и обсуждались проблемы периодизации на рассматриваемых в данной статье заседаниях, также являлась коллективным многотомником. Сам по себе этот проект имеет интересную историю, ведь он являлся второй попыткой в советской историографии написать масштабный обобщающий труд по истории СССР. Первой же были «Очерки истории СССР», издававшиеся с 1953 по 1958 год. Стоит отметить, что и этот многотомник имел долгую историю создания, заслуживающую отдельного исследования. В рамках же нашей статьи важно отметить, что хронологически «Очерки» заканчивались XVIII веком, т.е. полностью этот проект завершить не удалось. Из приложения к справке о выполнении Институту истории АН СССР планов научно-

исследовательских работ за 1950 – 1952 гг., составленной Отделом спецработ АН СССР, следует, что в 1953 году было принято решение прервать работу над «Очерками», а в будущем начать новый проект по этой теме [9, л. 81–91]. Так или иначе, «Очерки» ограничивались «досоветским периодом», который на указанных заседаниях не обсуждался.

Авторский коллектив, собранный для написания нового многотомника, был поделён на две группы, которые на ранних этапах работы друг с другом не пересекались. «Историю СССР» планировалось разделить на две серии томов: с I по VI том – история «дооктябрьского периода», с VII по XI – история «послеоктябрьского периода» вплоть до 1961 года. Ответственными редакторами назначались А.В. Фадеев³ и М.П. Ким соответственно. Нас интересует именно вторая серия томов, так как кампания по разоблачению культа личности, а также последующие идеологические зигзаги (дело антипартийной группы в 1957 г., новые идеологические установки, прозвучавшие на XXI съезде партии в 1959 г., и т.д.) в первую очередь коснулись историков советского периода. По этой причине нам представляется интересным проанализировать именно их «внутреннюю кухню».

Прежде чем приступить к анализу материалов стенограмм, необходимо оговорить те концептуальные положения, на которых он основывается. Во-первых, анализ дискуссий в советской историографии уже давно является перспективным и легитимным направлением для выявления как интернальных, так и экстернальных факторов, повлиявших на генезис исторической науки в СССР. Высокое значение дискуссий для развития науки отмечали ещё советские историки, однако они ограничивались лишь утверждениями наподобие этого: «Дискуссии обеспечили полное и решительно торжество марксистско-ленинской теории и методологии в советской исторической науке» [10, с. 110]. Подобный подход не отражал специфики проведения научных обсуждений, не определял их особенности на разных этапах истории СССР, а также не приводил к выявлению конкретных механизмов их влияния на развитие историографии.

Применительно к сталинскому периоду эту тему затрагивал В.В. Тихонов в работе, посвящённой идеологическим кампаниям «позднего сталинизма». В контексте анализа идеологических кампаний периода 1940-х – начала 1950-х гг. историк отметил, что дискуссии отличаются от кампаний несколькими особенностями: сниженным «идеологическим градусом», ограниченным характером воздействия на интеллекту-

альные сферы и несколько большим акцентом на научных, а не на политико-идеологических вопросах [11, с. 44–45].

В свою очередь, исследований, посвящённых дискуссиям «оттепельного» периода, не так много. Всплеск научных обсуждений в 1950 – 1960-х гг. отмечает в своих работах Л.А. Сидорова, подчёркивая наличие в этот период большего, чем в сталинское время, пространства для плюрализма мнений, в рамках концепции «санкционированной свободы» [12, с. 535–537]. Важными также являются работы, посвящённые истории создания в конце 1950-х – 1960-х гг. многотомника – «Очерки истории исторической науки в СССР» [13]. Этим и ограничивается историография проблемы.

Во-вторых, коллективные исторические труды советского периода обладают существенной спецификой, которую необходимо учитывать при их анализе. Рассматриваемая нами «История СССР» также являлась коллективным проектом, а потому практики, которые были распространены при работе над ней, не всегда стоит экстраполировать на монографические исследования историков, как и наоборот. Сама по себе подготовка таких проектов зачастую была процессом бюрократическим, нежели творческим, а потому далеко не всегда хоть сколько-нибудь заметную роль здесь играли личные методические предпочтения авторов. Вдвойне это касалось учёных из сектора истории СССР периода социализма. Показательными, к примеру, являются характеристики, которые коллеги давали руководителю коллектива, отвечавшему за тома, посвящённые истории СССР после 1917 года, М.П. Киму: «...[М.П. Ким] считался без существенных оснований наиболее авторитетным специалистом по советскому периоду» [3, с. 82]; «... Ким был, несомненно, весьма умен, владел логикой, неплохо писал и редактировал, хорошо говорил» [3, с. 83]; «Он был одарённой, творческой личностью. Другое дело, на что он потратил свои дарования. Но хочу сказать, что я в своей жизни никогда не встречал человека, который, скажем, за одну ночь мог написать двадцать страниц связного научного текста» [14]. Как можно заметить, коллеги Кима в своих воспоминаниях отмечают не исследовательские предпочтения историка и не его погружённость в проблематику истории советского периода, а более утилитарные качества – способность оперативно создавать связный научный текст. Это, конечно же, не означает того, что у учёного не было своих предпочтений и своего взгляда, но принимая во внимание тот факт, что речь идёт о работе над коллективным многотомником, на наш взгляд, серьёзного влияния на содержание томов они не

оказывали. Поэтому в данной статье большее значение мы придаём факторам, связанным с менявшейся политической конъюнктурой в СССР 1950 – 1960-х гг.

В-третьих, стоит понимать, что интерпретации и трактовки тех или иных событий советской истории, содержащиеся в таких масштабных коллективных трудах, позиционировались как официально одобренные и образцовые, да и воспринимались научным сообществом в качестве таковых. Вследствие этого учёные ретранслировали концептуальные построения из подобных изданий уже в собственных исследованиях, не опасаясь их идеологической критики. Это и определяет значимость анализа процесса их создания, в том числе и выявление практик, применявшихся историками в рамках производства подобной научной продукции.

Теперь перейдём к анализу обсуждений. Для начала рассмотрим озвученную Кимом во время заседаний схему периодизации в целом. Историю СССР предлагалось разделить на три основных периода:

1. Период перехода от капитализма к социализму;
2. Период социализма (*в рамках которого осуществляется переход к коммунизму*) (курсив мой. – К.С.);
3. Период перехода от социализма к коммунизму [8, л. 17].

Перед нами классическая, для советской историографии, формационная модель истории, в которой, однако, присутствует интересная особенность, демонстрирующая нам влияние новых идеологических установок, провозглашённых на XXI съезде партии. Влияние проявилось в конструировании третьего хронологического этапа советской истории, тавтологичность которого по отношению ко второму понимал и сам автор доклада, поэтому на заседании сектора попытался дать ему более подробное обоснование: «...главным процессом для (второго. – К.С.) периода является не переход к коммунизму, а завершение строительства социализма ... ко второму периоду не стоит прибавлять переход к коммунизму, тут более правильно назвать период социализма» [7, л. 10]. Декларативный характер этого дополнения мог бы вызывать некоторое удивление, если бы не знание обстоятельств появления новой периодизации. Признаем, что докладчик едва ли мог предложить что-то лучшее, учитывая тот факт, что он всего лишь ретранслировал новые партийные установки и пытался как-то интегрировать их в устоявшуюся хронологическую модель советской истории.

Важно подчеркнуть, речь идёт о встраивании в уже сложившуюся модель периодизации но-

вых положений вместо её комплексного переосмысления. Такой подход позволял убить сразу двух зайцев. С одной стороны, историки подчёркивали особое значение решений XXI съезда для всей истории СССР (характерно, что рубежным выбрали именно этот съезд, а не предыдущий, политическая актуальность которого к 1960 году была не столь значительной). С другой стороны, новая периодизация не вступала в серьёзный конфликт со схемой, содержащейся в «Кратком курсе», а развивала её, что демонстрировало некую преемственность. Тем не менее попытки примирения новых идеологем со старыми привели к возникновению противоречий, понять которые поможет небольшой экскурс в историю советского идеологического штампа о построении социализма, эволюция которого и стала главной причиной глобальной корректировки всей периодизации советского периода.

Начать стоит с «Краткого курса». В сталинском пособии факт превращения советской страны в страну социалистическую имел огромное значение для всего содержания книги, ведь построение социализма презентовалось как главное достижение сталинской системы на момент выхода в свет первого издания «Краткого курса». Идея же о постепенном переходе к коммунизму хотя и присутствовала в книге, но упоминалась лишь вскользь, всего в одном предложении: «...СССР вступил в новую полосу развития, в полосу *завершения строительства социалистического общества* (курсив мой. – К.С.) и постепенного перехода к коммунистическому обществу» [15, с. 331]. Указывалась и конкретная дата победы социализма в СССР – 1936 год [15, с. 327]. Именно в таком виде эта идеологема просуществовала всё время сталинского правления. При этом дискуссии о начале перехода страны к строительству коммунизма велись с конца 30-х. Так, в 1939 году, на XVIII съезде партии было объявлено о постепенном переходе к строительству коммунизма, а в 1948 году комиссия во главе с А.А. Ждановым разработала проект новой Программы ВКП(б), в которой была прописана задача перехода к коммунизму в ближайшие 20–30 лет [16, с. 18–19]. Правда, эти обсуждения никак не влияли на содержание «Краткого курса», так как с 1938 года книга переиздавалась без каких-либо правок [17, с. 108–116].

Впервые корректировка даты построения социализма произошла в уже упомянутом нами учебном пособии «История СССР. Эпоха социализма (1917–1957 гг.)». Пособие включало в себя два больших раздела – «Победа пролетарской революции и построение социализма в СССР (1917–1937 гг.)» и «Завершение строи-

тельства социалистического общества, постепенный переход к коммунизму (1938–1957 гг.)» [2, с. 767, 770]. Авторский коллектив (во главе которого стоял М.П. Ким) фактически продлил периодизацию «Краткого курса», развив тезис о наступлении стадии постепенного перехода СССР к коммунизму после победы социализма в 1930-е годы. Поскольку во время правления Сталина коммунизм так и не наступил, авторы пособия использовали уже знакомую нам формулу – «завершение строительства социализма». Так как пособие было издано ещё до XXI съезда КПСС, предполагалось, что социализм всё ещё строится, но вместе с тем постепенно приближается и коммунизм. Другими словами, дата победы социализма всё ещё была одна, правда, она отличалась от той, которая провозглашалась в «Кратком курсе». Победа социалистического строя в СССР здесь привязывалась не к 1936 году, как в «Кратком курсе», а к 1937 году [2, с. 477]. Таким образом, переход СССР к коммунизму привязывался к дате окончания второй пятилетки, а не к дате создания сталинской Конституции⁴. Значение Конституции не принижалось, в пособии ей посвятили отдельный раздел, но акценты теперь были расставлены иначе.

Стоит отметить, что за три года до выхода этого учебника в журнале «Вопросы истории» под авторством И.Б. Берхина⁵ и М.П. Кима была опубликована статья «О периодизации советского общества». В ней авторы разместили проект новой периодизации советской истории, в котором датой победы социализма всё ещё оставался 1936 год [18, с. 78]. Это является косвенным подтверждением того, что исправление даты в пособии было сделано под влиянием политической конъюнктуры второй половины 1950-х.

Вернёмся к обсуждению проекта многотомного издания. На заседаниях датой завершения строительства социализма предлагалось обозначить 1958 год [8, л. 18]. При этом и 1937 год сохранял свои позиции, поскольку после него в стране социализм победил «в целом», дальше его лишь «достраивали».

Причину такого решения докладчик не скрывал. На заседании сектора М.П. Ким заявлял: «Работая над этим трудом, мы обязаны помнить, что этот труд является попыткой выполнить указания XXI съезда партии...» [7, л. 2]. Подобное он произносил и на заседании учёного совета: «И третий этап начался недавно, это период перехода к коммунизму, период развёртывания коммунистического строительства, со времени XXI съезда партии» [8, л. 17]. Таким образом, к остаткам прошлой идеологической конструкции (о победе социализма в 1937 году) присоединялась новая идеология (об **окончательной** победе социализма в 1958 году).

Однако не все коллеги докладчика были готовы принять те парадоксы, которые порождала такая модель периодизации. С.И. Якубовская⁶ попыталась оспорить проект: «...мне кажется, что период развёрнутого коммунистического строительства входит в состав определённой формации, в состав социалистической формации и это не новая формация» [8, л. 37]. Она же высказывалась и о датировке: «... я бы предложила, чтобы эта шапка – эпоха социализма была бы на всех томах, которые идут после 1937 г.» [8, л. 37]. Не согласился с предложенной схемой и И.Б. Берхин: «Действительно, если речь идёт о коротких этапах, их два: переходный период от капитализма к социализму и второй – это социалистическая формация, как первая ступень к коммунизму» [7, л. 80]. Иное мнение было у Берхина и о дате построения социализма: «...с 1938 года мы вступили в новую эпоху, эпоху победившего социализма ... 1959 год открыл новый период... качественно здесь нельзя говорить о новом, с точки зрения и базиса, и надстройки...» [7, л. 81]. Очевидно, что историки пытались указать докладчику на избыточность точной даты построения социализма в 1958 году. Ким же, по понятным причинам, никак не откорректировал свою позицию по этому вопросу и по существу не ответил на аргументы коллег.

Судя по проекту содержания многотомника, опубликованному в февральском журнале «Вопросы истории» за 1961 год, авторский коллектив принял решение о смещении даты завершения строительства социализма на 1958 год [19, с. 47–53]. Правда, это смещение не повредило идеологеме о построении социализма в 1937 году. В названии третьей части VIII тома так же сохранялась следующая формулировка: «Победа социализма в СССР (1933–1937 гг.)» [19, с. 50]. К слову, такая же модель «двойной» победы социализма присутствовала и в учебных пособиях 1960 года.

Таким образом, общая схема периодизации истории партии из «Краткого курса» оставалась фундаментом для историков, создававших новые труды. Поскольку историки не ставили перед собой задачу разработки принципиально иной модели периодизации, а лишь незначительно правили и дополняли существующую схему в соответствии с указаниями партии, неизбежным было появление парадоксов. Так, период социализма начинался и в 1937 году, и в 1958 году по той причине, что учёные не получили установку от партийных органов, которая бы предполагала уход от устоявшегося идеологического штампа о построении социализма в 30-е годы XX века. И такая стратегия была

наиболее безопасной и вполне приемлемой для самих историков, особенно в контексте крайней бюрократичности самого процесса написания коллективных многотомников, однако она была порочной для развития исторической науки. Ведь даже для тех, кто выступал за так называемый «творческий марксизм», подобная схема периодизации являлась тупиком. Любые, даже самые осторожные, дискуссии о ходе и результатах сталинской модернизации становились невозможными, ведь идеологемы «Краткого курса» оставались нетронутыми и сохраняли свою актуальность. Показательной, в этом смысле, является следующая проблема, поднятая на заседаниях в Институте истории.

В своих выступлениях М.П. Ким затронул ещё один вопрос, связанный с периодизацией, – проблему выделения хронологических рамок индустриализации и коллективизации. Для понимания сути дискуссии здесь также понадобится небольшой экскурс.

В «Кратком курсе» под индустриализацию отводилась отдельная глава, в заглавии которой указывался временной промежуток между 1926 и 1929 г. [15, с. 350]. Следом за ней шла глава о коллективизации, в названии которой присутствовал период 1930–1934 гг. [15, с. 351]. В учебном пособии «История СССР. Эпоха социализма» эту модель несколько переработали и объединили обе главы в одну. Нижней границей здесь также был 1926 год, а вот верхняя менялась на 1932 год. Таким же образом поступил и коллектив Высшей партийной школы при ЦК КПСС в своём пособии «История СССР» [6, с. 957]. Этот принцип Ким предлагал сохранить и в новой многотомной истории СССР [7, л. 12].

В свою очередь, в пособии «История КПСС» 1960 года авторы, как и в «Кратком курсе», выделили две отдельные главы под индустриализацию и коллективизацию. Из сталинского учебника они заимствовали и хронологические рамки, однако верхнюю границу коллективизации также изменили на 1932 год [5, с. 740].

Как можно заметить, во всех новых пособиях 1934 год терял роль рубежной даты, отводившейся ему в сталинском пособии. В «Кратком курсе» он имел этот статус из-за убийства С.М. Кирова в 1934 году, после которого начался очередной этап «чистки партийных рядов от примазавшихся и чуждых элементов» [15, с. 313]. Это вполне соответствовало всей логике сталинского текста, в котором идея борьбы с врагами партии была одной из стержневых [20, с. 313–314].

Теперь же рубежом становился 1932 год – дата окончания первой пятилетки. В соответствии с новыми партийными установками 1934 год ас-

социировался лишь с радикализацией режима Сталина, с переходом к усилению «произвола в отношении партии», как было сказано в докладе Н.С. Хрущёва на XX съезде [21, с. 65]. По этой причине историками была выбрана более нейтральная дата окончания первой пятилетки. Надо сказать, что 1934 год не выделялся и в проекте периодизации И.Б. Берхина и М.П. Кима в статье 1954 года [18, с. 78]. В данном случае историки, вероятно, попытались опередить «линию партии». Тем не менее закрепиться в историографии такая периодизация смогла только после XX съезда.

Сложнее обстоял вопрос с разбивкой процессов индустриализации и коллективизации на отдельные главы. Напомним, что и в «Кратком курсе», и в «Истории КПСС» такое деление присутствовало, а в «Истории СССР. Эпоха социализма» и «Истории СССР» от ВПШ эти главы объединялись в одну. В «Кратком курсе» такое деление на главы позволяло сделать дополнительный акцент на значимости 1929 года как рубежного в советской истории. Как известно, этот год был обозначен «годом великого перелома» самим Сталиным, по причине чего он и выделялся отдельно, иного смысла в этом, судя по всему, не было. На это обстоятельство на заседании сектора ссылался и один из оппонентов Кима – А.П. Кучкин⁷, который пытался сохранить устоявшуюся схему: «А этот период 1926–29 гг. разве не закономерен, когда 1929 год в историю уже вошёл как год великого перелома? ... И в решениях партийных это отмечено именно как особый период» [7, л. 9]. Характерна аргументация, к которой прибегает А.П. Кучкин, – он ссылается на «партийные решения». Показательно, что речь не идёт о каких-либо экономических показателях, которые подкрепляли бы эти «партийные решения», историк апеллирует лишь к пропагандистскому нарративу, сформированному в сталинский период. Отметим, что сам Кучкин входил в авторский коллектив «Истории КПСС», в которой выделение 1929 года сохранялось. Он также принимал участие и в написании «Краткого курса». Правда, он был и в составе редакционной комиссии пособия 1957 года, структура содержания которого была иной.

В споре по этому вопросу на стороне Кима выступал Берхин: «К 1929 году ни одна из коренных задач социалистического строительства не была решена, в то время, как к 1932 году мы превратились в страну индустриализации...» [7, л. 82]. В итоге, на заседаниях каждый из докладчиков остался при своём мнении, но какое же решение было принято авторским коллективом многотомного издания?

В проекте содержания многотомника, опубликованном в февральском номере журнала «Вопросы истории» за 1961 год, снова содержалась компромиссная версия. VIII том издания предполагалось разбить на три части. Во второй части описывались процессы индустриализации и коллективизации, а в её названии присутствовала общая хронологическая рамка – 1926 – 1932 гг. [19, с. 49]. Сама часть делилась на главы. Отдельно выделялись главы об индустриализации и коллективизации. Судя по названию шестого параграфа восьмой главы: «Новые формы смычки города и деревни. Рост колхозного движения в 1928 – 1929 гг.», 1929 год сохранял статус переломного года, т.е. полного ухода от «Краткого курса» в этом вопросе не произошло [19, с. 49].

Невыясненными, однако, остаются причины, по которым часть историков попыталась исключить 1929 год из новой структуры периодизации. Имели ли место здесь конкретные указания партии, как в случае с 1934 годом, или же это была инициатива самих историков? Этот вопрос остаётся открытым. Отметим только то, что в десятом номере журнала «Вопросы истории» за 1954 год, в статье под авторством И.Б. Берхина и М.П. Кима был размещён проект периодизации советской истории, в котором 1929 год также не выделялся [18, с. 78]. Вероятно, у части историков всё же существовал запрос на творческое переосмысление периодизации «Краткого курса», но практика вновь показывает, что заметного влияния на исход дискуссии они не оказали.

О том, как сильно историки зависели от структуры и содержания «Краткого курса», говорит ещё один важный эпизод анализируемых заседаний – обсуждение даты победы Октябрьской революции в России. Вопрос разделил историков на два лагеря – одни утверждали, что окончательная победа Октябрьской революции состоялась 25 октября, другие (в числе коих был и М.П. Ким) – что революция длилась на протяжении всего «триумфального шествия» советской власти, до марта 1918 года⁸. Развернулась достаточно серьёзная дискуссия, однако описывать её всю не имеет смысла, мы остановимся лишь на одной важной детали.

Примечательными в этом схоластическом споре выглядят неоднократные апелляции М.П. Кима к авторитету «Краткого курса». К примеру, на заседании сектора он говорил следующее: «В Кратком курсе истории партии, как вам известно, победа Октябрьской революции была приурочена к завершению триумфального шествия Советской власти» [7, л. 15]. Ещё занятнее выглядит его речь на заседании учёного

совета. В первоначальной, неправленной версии стенограммы этого заседания Ким несколько раз обращался к концепции революции, представленной в «Кратком курсе»: «...в Курсе истории партии, который в течение 25 лет был нашим руководством, итоги революции приводятся после триумфального шествия»; «...я думаю, что лучше сделать так, как поступил Краткий курс в своё время» [8, л. 193, 195]. Стоит отметить, что все эти упоминания «Краткого курса» были вычеркнуты Кимом из конечной версии стенограммы, которая направлялась в аппарат ЦК.

Этот казус снова демонстрирует нам, что, несмотря на десталинизацию и формальное отречение от «Краткого курса», часть профессионального сообщества продолжала считать текст сталинского пособия авторитетным, по крайней мере в некоторой степени. Судя по всему, Ким понимал это (и, вероятно, сам придерживался такой позиции), поэтому и применил эти аргументы в споре с оппонентами. Однако он же, судя по всему, считал, что не стоит в контексте общей ориентации на десталинизацию делать это демонстративно, а потому очистил стенограмму перед отправкой в аппарат ЦК.

Подводя итоги, можно заключить, что примеры, приведённые выше, отчётливо демонстрируют нам то, как сильно историки зависели от структуры «Краткого курса». Периодизация новых учебных пособий и готовящегося многотомника в значительной степени опиралась на схему из сталинского пособия. Легитимными считались и прямые ссылки на его текст, а также апелляции к его авторитету во время обсуждений, несмотря на критику «Краткого курса», прозвучавшую на XX съезде КПСС.

В свою очередь, практически любая правка привычной схемы была инициирована указаниями партийных органов или была продиктована общей политической конъюнктурой. Именно они повлияли на корректировку историками формационной модели периодизации и на исключение из хронологии некоторых дат. Ключевым ориентиром для историков оставались сигналы, исходящие от государственной власти, без которых учёные не осмеливались (или не желали) открыто отказываться от устоявшихся и привычных концептов.

Рассматриваемые обсуждения являются частным примером общей тенденции, характерной для генезиса советской исторической науки в «оттепельный» период. В отличие от идеологических дискуссий сталинского времени, власть слишком расплывчато обозначила «врага на историческом фронте», прямо не указала на «обанкротившиеся» концепции (за исключени-

ем известного положения Сталина об усилении классовой борьбы по мере укрепления социалистической власти), но при этом декларировала курс на обновление исторического нарратива. Такой подход вызвал некоторое замешательство у историков. Более других проблемы испытывали специалисты по советскому периоду. В ситуации неопределённости они избирали очень противоречивые стратегии формирования исторического нарратива, применение которых порой приводило к появлению парадоксальных конструкций, примеры которых изложены в данной статье. Особенно отчётливо это проявлялось в рамках подготовки коллективных проектов, содержание которых было образцом для всего научного сообщества. Стратегия сохранения старых идеологем и присоединения к ним новых приводила к всё большей громоздкости и путанности текстов учебников и многотомных изданий. Возможно, именно в этом и была одна из причин того, что ни учебники, ни многотомники послесталинского периода не приобрели такого же культового статуса, как «Краткий курс» или «История Гражданской войны в СССР».

Представленные в статье материалы отчётливо демонстрируют, что при внешней ориентации на глобальное переосмысление советской истории 1917–1961 гг. в рамках борьбы с последствиями культа личности в исторической науке (что и было одной из целей создания новых коллективных проектов – от учебников и до многотомных изданий) на практике даже незначительные корректировки, к примеру изменение отдельных дат в схеме периодизации, осуществлялись крайне аккуратно и только в тех случаях, когда у историков была возможность опереться на решения партии.

Примечания

1. Очевидно, что отказ от постулата о построении социализма в 30-е годы обесценивал экономические преобразования того периода, а именно коллективизацию и индустриализацию. Столь радикальной переоценки прошлого советское руководство не предполагало.
2. Ким М.П. (1908–1996) – советский и российский историк, доктор исторических наук. Основным направлением научного творчества являлась культурная революция в СССР. В 1951–1968 гг. – заведующий отделом истории советского общества в Институте истории АН СССР. В 1957–1960 гг. – главный редактор журнала «История СССР».
3. Фадеев А.В. (1908–1965) – советский историк, доктор исторических наук. Основными направлениями научного творчества являлись история Кавказа и военная история. С 1957 года входил в редакционную коллегию журнала «История СССР».
4. Вероятно, это было связано с тем, что на рубеже 1950–60-х гг. шла работа над новой Конституцией, отменяющей старую. В этой ситуации 1937 год больше подходил идеологически и логически.
5. Берхин И.Б. (1908 (1909) –1992) – советский историк, доктор исторических наук. Основными темами научного творчества являлись история классовой борьбы в России XIX – нач. XX вв. и военная история. В 1956–1989 гг. – научный сотрудник Института истории АН СССР.
6. Якубовская С.И. (1914–1987) – советский историк, доктор исторических наук. Основой темой исследовательской деятельности являлась история социалистического строительства в СССР. В 1951–1981 гг. – старший научный сотрудник Института истории АН СССР.
7. Кучкин А.П. (1888–1973) – советский историк, доктор исторических наук. Участник революционного движения и гражданской войны, оканчивал ИКП. Главная тема научного творчества – история советизации Казахстана. Являлся старшим научным сотрудником Института истории АН СССР с 1940 года.
8. «Триумфальным шествием» в советской историографии назывался процесс перехода власти в руки большевиков во всех регионах РСФСР с октября 1917 по март 1918 г.

Список литературы

1. XX съезд КПСС. 14–25 февраля 1956 года: Стеногр. отчёт. Т. 1. М.: Госполитиздат, 1956. 640 с.
2. История СССР. Эпоха социализма (1917–1957 гг.). Учебное пособие. М.: Госполитиздат, 1957. 772 с.
3. Поляков Ю.А. Минувшее. Фрагменты (Воспоминания историка). Кн. 2. М.: Собрание, 2011. 320 с.
4. Внеочередной XXI съезд КПСС. 27 января – 5 февраля 1959 года: Стеногр. отчет. Т. 2. М.: Госполитиздат, 1959. 615 с.
5. История КПСС. М.: Госполитиздат, 1960. 743 с.
6. История СССР: Учебное пособие. М.: Изд-во ВПШ и АОН, 1960. 958 с.
7. АРАН. Ф. 1577. Оп. 2. Д. 958.
8. АРАН. Ф. 1577. Оп. 2. Д. 461.
9. АРАН. Ф. 541. Оп. 1 (1945–1953). Д. 395.
10. Очерки истории исторической науки. Т. V. М., 1985. 605 с.
11. Тихонов В.В. Идеологические кампании «позднего сталинизма» и советская историческая наука (середина 1940-х – 1953 г.). М., 2016. 424 с.
12. Сидорова Л.А. Феномен «санкционированной свободы»: «Вопросы истории» академика А.М. Панкратовой // Очерки истории отечественной исторической науки XX века. Омск, 2005. С. 532–561.
13. Груздинская В.С., Корзун В.П. Дискуссия о периодизации истории советской исторической науки в интерьере коммуникативного поля // Вестник Пермского университета. 2016. № 3 (34). С. 58–67.
14. Время «больших проектов» прошло [Опыт критической саморецензии В.А. Козлова в журнале «Историческая экспертиза», 2017, 2]. Полная версия интервью [Электронный ресурс]. URL: <https://clck.ru/3GJTNw> (дата обращения: 05.02.2025).

15. История ВКП(б): Краткий курс. М.: Изд-во ЦК ВКП(б) «Правда», 1938. 352 с.

16. Фокин А.А. «Коммунизм не за горами». Образы будущего у власти и населения СССР на рубеже 1950–1960-х годов. М.: Политическая энциклопедия, 2017. 223 с.

17. Бранденбергер Д. «Оттепель» в идеологии? Последняя глава «Краткого курса». 1946–1956 гг. // После Сталина. Реформы 1950-х годов в контексте советской и постсоветской истории: Материалы VIII Международной научной конференции. Екатеринбург, 15–17 октября 2015 г. М.: Политическая энциклопедия; Президентский центр Б.Н. Ельцина, 2016. С. 108–116.

18. Берхин И.Б., Ким М.П. О периодизации советского общества // Вопросы истории. 1954. № 10. С. 72–78.

19. Ким М.П., Фадеев А.В. Об основных проблемах отечественной истории // Вопросы истории. 1961. № 2. С. 14–53.

20. Зеленов М.В. И.В. Сталин. Историческая идеология в СССР в 1920–1950-е годы: Переписка с историками, статьи и заметки по истории, стенограммы выступлений. Сборник документов и материалов. Часть 1. 1920–1930-е годы. СПб.: Наука-Питер, 2006. 496 с.

21. Доклад Н.С. Хрущева о культе личности Сталина на XX съезде КПСС: Документ. М.: Политическая энциклопедия, 2002. 912 с.

PERIODIZATION OF SOVIET HISTORY AS A METHODOLOGICAL PROBLEM OF «THAW» HISTORIOGRAPHY: DISCUSSION AT THE INSTITUTE OF HISTORY, USSR ACADEMY OF SCIENCES

K.V. Sinenkov

The article is dedicated to the discussion on the periodization of Soviet history, which took place at the Institute of History of the USSR Academy of Sciences in 1960, in the context of the beginning of de-Stalinization of Soviet society after Khrushchev's report at the XX Congress of the CPSU. As part of the campaign against the cult of personality that unfolded in the 1950s – 1960s, historians were tasked with correcting the established narrative of Soviet history, formed during the Stalinist period. The aim of the article is to identify the specific methods used by scientists in this process of correction. A characteristic feature of Soviet historiography was the writing of large-scale collective projects, in which the approved picture of the Soviet past was shaped by controlling authorities. The preparation of such projects, as well as the discussions that unfolded in the course of this preparation, demonstrate the methods of narrative correction used by Soviet historians under changing ideological conditions. In this context, the creation of the multi-volume "History of the USSR" in the 1960s is of interest. In the early stages of work on this multi-volume edition, two meetings were held at the Institute of History of the USSR Academy of Sciences, dedicated to the main problems of Soviet history. In these discussions, the primary task for the authors working on the volumes dedicated to the Soviet period was to develop a new scheme of periodization of history from the October Revolution of 1917 to the XXI Congress of the CPSU in 1959. The article demonstrates the high degree of dependence of Soviet historians on the structure and content of the "Short Course", which was the most authoritative text on the history of the party and the USSR during the Stalinist period. Furthermore, the strategies used by scientists in writing large-scale collective projects on Soviet history in the context of the beginning of de-Stalinization are identified.

Keywords: historical science in the USSR, de-Stalinization, periodization of the history of the USSR, M.P. Kim, "History of the All-Union Communist Party of the Bolsheviks: Short Course", "History of the USSR: The Era of Socialism (1917–1957)", "History of the CPSU", soviet ideological constructs.

References

1. XX Congress of the CPSU. 14–25 February 1956: Stenogr. report. V. 1. M.: Gospolitizdat Publ., 1956. 640 p.

2. History of the USSR. The era of socialism (1917–1957). Tutorial. M.: Gospolitizdat Publ., 1957. 772 p.

3. Polyakov Yu.A. Past. Fragments (Memoirs of a historian). B. 2. M.: Sobranie Publ., 2011. 320 p.

4. Extraordinary XXI Congress of the CPSU. January 27 – February 5, 1959: Stenogr. report. V. 2. M.: Gospolitizdat Publ., 1959. 615 p.

5. History of the CPSU. M.: Gospolitizdat Publ., 1960. 743 p.

6. History of the USSR: Textbook. M.: HPS and ASS, 1960. 958 p.

7. ARAS. Coll. 1577. Aids 2. Fol. 958.

8. ARAS. Coll. 1577. Aids 2. Fol. 461.

9. ARAS. Coll. 541. Aids 1 (1945–1953). Fol. 395.

10. Essays on the History of Historical Science. Vol. V. M., 1985. 605 p.

11. Tikhonov V.V. Ideological campaigns of «late Stalinism» and Soviet historical science (mid-1940s – 1953). M., 2016. 424 p.

12. Sidorova L.A. The phenomenon of «sanctioned freedom»: «Questions of history» by academician A.M. Pankratova // Essays on the history of Russian historical science of the XX century. Omsk, 2005. P. 532–561.

13. Gruzinskaya V.S., Korzun V.P. Discussion on the periodization of the history of Soviet historical science in the interior of the communicative field // Bulletin of Perm University. 2016. № 3 (34). P. 58–67.

14. The time for «big projects» has passed [The experience of critical self-assessment by V.A. Kozlov in the journal «Historical Expertise», 2017, 2]. Full version of the interview [Electronic resource]. URL: <https://clckru/3GJTNw> (Date of access: 05.02.2025).

15. History of the CPSU(b): A short course. M.: Publishing House of the Central Committee of the CPSU(b) Pravda, 1938. 352 p.

16. Fokin A.A. «Communism is just around the corner». Images of the future of the government and the

population of the USSR at the turn of the 1950s and 1960s. M.: Politicheskaya Encyclopedia, 2017. 223 p.

17. Brandenberger D. The «thaw» in ideology? The last chapter of the «Short Course» 1946–1956 // After Stalin. The reforms of the 1950s in the Context of Soviet and post-Soviet History: Proceedings of the VIII International Scientific Conference. Yekaterinburg, October 15–17, 2015. M.: Political Encyclopedia; Boris Yeltsin Presidential Center, 2016. P. 108–116.

18. Berkhin I.B., Kim M.P. On the periodization of Soviet society // Questions of history. 1954. № 10. P. 72–78.

19. Kim M.P., Fadeev A.V. On the main problems of national history // Questions of history. 1961. № 2. P. 14–53.

20. Zelenov M.V. I.V. Stalin. Historical ideology in the USSR in the 1920s and 1950s: Correspondence with historians, articles and notes on history, and recordings of speeches. Collection of documents and materials. Part 1. The 1920s and 1930s. St. Petersburg: Science-Peter, 2006. 496 p.

21. N.S. Khrushchev's report on the cult of Stalin's personality at the XX Congress of the CPSU: Documents. M.: Political Encyclopedia, 2002. 912 p.